

Э. В. Королёва

Подвеска с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове (в продолжение дискуссии)

E. V. Koroleva. Pendant with Princely Signs from the 1976 Excavations in Pskov (in discussion continuation)

Abstract. The article is devoted to the bronze pendant with Princely Signs found during archaeological excavations in Pskov in 1976. The article describes morphological and stylistic features of the pendant and the signs depicted, manufacturing technology and metal (alloy) composition features.

The author substantiates the object existence time (dating) by the end of the 10th – first half of the 11th century basing on the stratigraphic circumstances of its discovery. The article provides a version of the pendant princely signs interpretation, based on the similarity of one of the signs with a sign on the Taman bracteate and their similar dating, as belonging to Mstislav and Sudislav Vladimirovic.

Ключевые слова: Псков, Древняя Русь, подвески, княжеские знаки, стратиграфия, технология изготовления, версия интерпретации.

Keywords: Pskov, Ancient Rus, pendants, princely signs, stratigraphy, manufacturing technology, interpretation version.

В 2016 г. исполняется 40 лет с момента обнаружения в археологическом раскопе в Пскове подвески с княжескими знаками (рис. 1 и на задней обложке),¹ но она все еще остается в центре непримиримых споров.

Данная статья основана на тексте доклада, прозвучавшего в апреле 2014 г. на семинаре АИППЗ. За время подготовки к публикации произошли события, которые повлекли за собой некоторые дополнения к этой работе. Прежде всего, в том же 2014 г. вышел в свет сборник, включающий статью с подробнейшими описаниями обстоятельств нахождения в культурном слое подвески, обоснованием ее стратиграфической даты, характеристикой морфологических и стилистических особенностей, с результатами исследования технологии ее изготовления и химического состава металла (*Лабутина, Королёва, 2014. С. 171–195*). В апреле 2015 г. на семинаре АИППЗ выступил С. В. Белецкий с докладом «Еще раз о геральдической подвеске из раскопок в Пскове в 1976 г.»,

¹ Рисунки 1, 3, 4 выполнены автором статьи; рис. 2 – сотрудником ГБУК ПО АЦПО Р. Г. Подгорной, рис. 5, 6 приведены по публикациям.

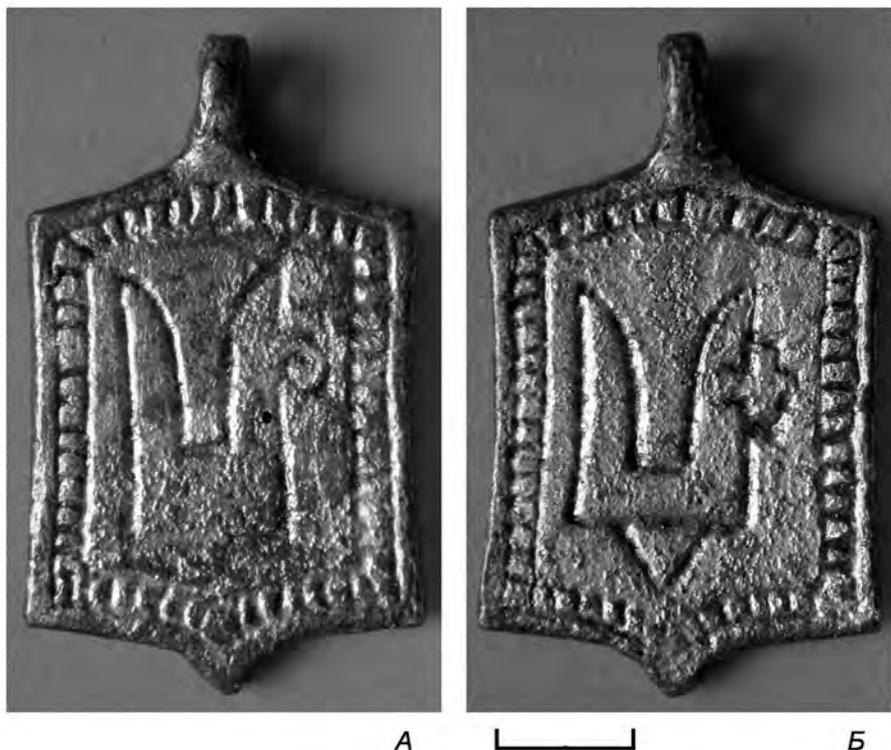


Рис. 1. Подвеска с княжескими знаками из Пскова. Фото: А – сторона «А»; Б – сторона «Б»

а одноименная статья с некоторыми дополнениями опубликована в настоящем сборнике материалов. Исследователь не согласился с основными положениями статьи И. К. Лабутиной и Э. В. Королёвой, что делает закономерным настоящий ответ со стороны одного из авторов на высказанные им аргументы.

Историю развития дискуссии о статусе и интерпретации псковской подвески с княжескими знаками укажу здесь конспективно. Первая краткая информация об этой находке появилась сразу после полевого сезона 1976 г. в сборнике «Археологические открытия» (*Лабутина и др.*, 1977. С. 24). Более подробное описание подвески с указанием обстоятельств обнаружения было включено в обзорную статью «Культурный слой Пскова», вышедшую в свет в 1983 г. (*Лабутина*, 1983. С. 17–23).

Рассматривая подвеску из раскопок в Пскове в 1976 г. вскоре после ее публикации в 1983 г., А. А. Молчанов увидел в ней признаки современного фальсификата и обосновал свое мнение, сославшись на геральдические и стилистические несообразности в изображениях, а на первое место в обосновании своих сомнений поставил «*обстоятельства находки*» (*Молчанов*, 1986. С. 185). Автор не раскрыл эти «*обстоятельства*». В последующих работах С. В. Белецкого мнение А. А. Молчанова было неоднократно поддержано (*Белецкий*, 1996. С. 85; 2000. С. 83; 2004. С. 275).

Как отмечено в совместной статье И. К. Лабутиной и Э. В. Королёвой, остается неясным, какие обстоятельства находки повлияли на заключение о происхождении предмета. Ни А. А. Молчанов, ни С. В. Белецкий не были участниками раскопок 1976 г. на ул. Ленина в Пскове, не работали с самим предметом, хранящимся в Псковском музее-заповеднике, и не изучали археологическую документацию раскопок (Лабутина, Королёва, 2014. С. 171).

Содержание статьи о подвеске с княжескими знаками (Там же. С. 171–195), основанное на изучении полевой и отчетной документации, комплексном исследовании самого предмета, как оказалось, судя по докладу С. В. Белецкого в апреле 2015 г., не убедило его в археологической подлинности предмета. Однако в период подготовки текста к публикации, как отметил исследователь в послесловии к своей статье в настоящем издании, появилась находка, позволяющая вернуться к осмыслению псковской подвески из раскопок 1976 г., но *«рассмотреть эту подвеску в контексте известных подвесок-реplik XII–XIII вв.»*.

Таким образом, задача моей публикации несколько изменилась: нет более необходимости доказывать подлинность самого предмета, но осталась потребность в аргументации его более ранней датировки, что позволит и обосновать одну из версий интерпретации княжеских знаков на сторонах подвески.

Итак, трапециевидная бронзовая подвеска с княжескими знаками (рис. 1 – цветная вклейка) была найдена в 1976 г. в Пскове на археологическом раскопе III на ул. Ленина.² Руководитель работ – Ю. Л. Щапова. Раскоп III на улице Ленина в Пскове, где была найдена подвеска (рис. 2), являлся частью обширной территории, исследованной археологическими раскопками в 1967–1991 гг.

Подробное описание изученной территории (особенностей рельефа и накопления здесь культурных отложений, характера первоначальной и последующей застройки, обнаруженных в слое археологических предметов) приведено в нашей публикации 2014 г. (Лабутина, Королёва, 2014. С. 172–178). Здесь же отмечу только следующее.

Слой, в котором была обнаружена подвеска (рис. 3), имеет стратиграфические приметы, маркирующие его верхнюю и нижнюю границы. Верхняя граница определяется отметками дневной поверхности 8-го яруса – 40–60 гг. XIII в. Нижняя граница слоя стратиграфически соотносится с поверхностью песчаных отложений, в которых обнаружены погребения древнерусского некрополя X – начала XI в. Соответственно, возможная ранняя дата нижней части культурного слоя над песчаными отложениями – *«после X – начала XI в.»* (Лабутина, Королёва, 2014. С. 176).

Мощность нижнего культурного слоя от 0,2–0,3 до 0,5–0,7 м. На разных уровнях изучаемого слоя обнаруживались находки, которые могли отложиться в XI в., позднее времени существования кладбища (например, перстень желто-стеклянный плосковыпуклый, изготовление и бытование которого определяется рамками XI в.). Сюда же могут быть отнесены вещи, начальной датой которых были: конец X – начало XI в. (костяной гребень типа Д); последняя четверть XI в.

² Подвеска с княжескими знаками – паспортные данные: ПЛ–76–III, уч. X, пл. 12, кв. 329, полевой номер 7 (номер по описи 522), № КП 9644 (ПГОИAXMЗ).

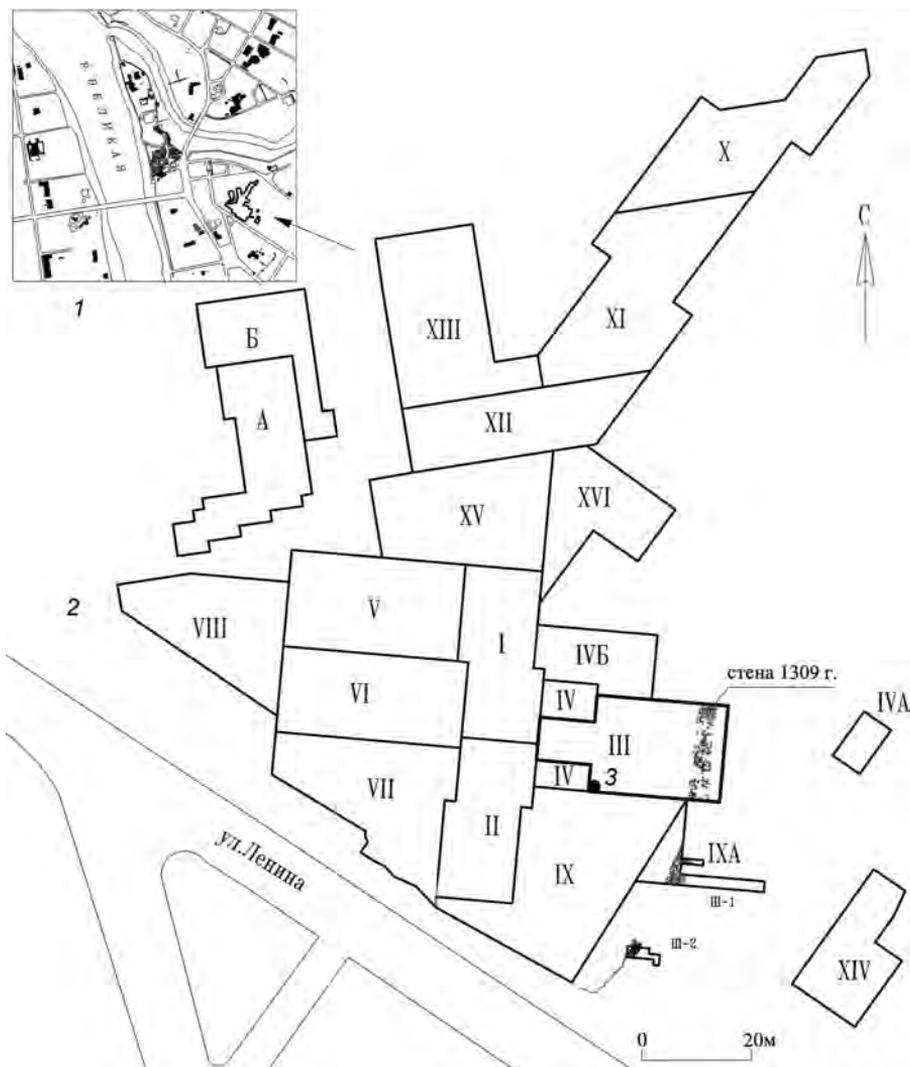


Рис. 2. Общий план раскопов на улице Ленина в Пскове: 1 – раскопы в древней части Среднего города и на прилегающей территории (стрелкой указано расположение раскопов 1968–1991 гг.); 2 – А, Б – раскопы у педагогического института (1968–1970, 1973–1974 гг.); I–XVI – раскопы 1976–1991 гг.; 3 – место находки подвески с княжескими знаками на раскопе III

(железный ключ стержневой от внутреньего замка). Профиль венчика горшка, найденного в слое рядом с подвеской, принадлежит к форме, хотя и более характерной для XII в., но появляющейся во второй половине – конце XI в. Среди вещей широкого хронологического диапазона (в первую очередь, шиферные пряслица) были и те, что вошли в состав отложений в XI в. Период существования многих предметов приходится на XII в., а поздний период предметов из этого слоя относится к первой половине XIII в. (Лабутина, Королёва, 2014. С. 176).

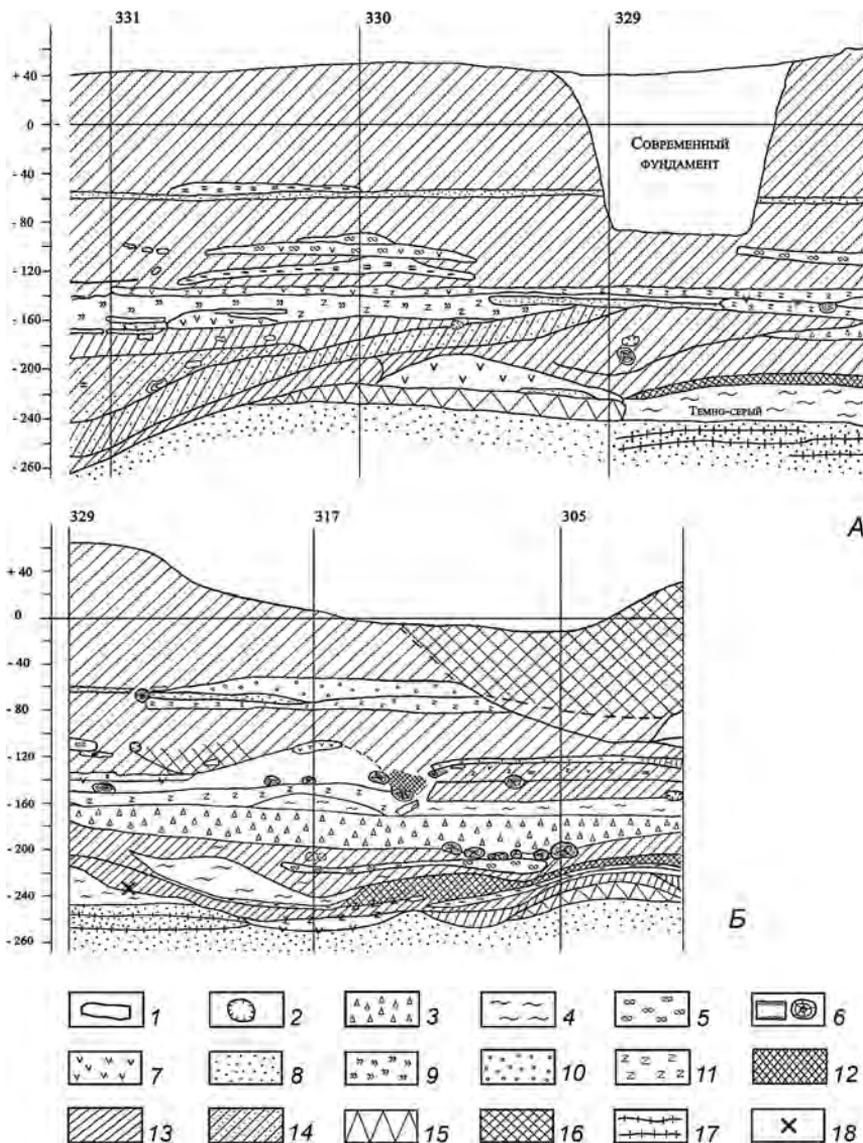


Рис. 3. Раскоп III на ул. Ленина (1976 г.). Профили: А – фрагмент профиля южной стены; Б – профиль западной стены (по: Щапова, 1989. Черт. 24, 25).

1 – известняковая плита; 2 – валун, булыжник; 3 – щебень, известняк; 4 – глина; 5 – обожженная глина; 6 – бревно; 7 – уголь; 8 – песок; 9 – навоз; 10 – известь; 11 – щепа; 12 – черная углистая земля; 13 – темно-коричневая земля; 14 – светло-коричневая земля; 15 – серый супесчаный слой; 16 – перекопанный слой; 17 – погребенный дерн; 18 – место обнаружения подвески с княжескими знаками (проекция)

Важно отметить в списке датирующих два предмета: стеклянную бочонковидную золоченую бусину (Сирия, до первой четверти XI в.) и сердоликовую 23-гранную пережженную бусину (Восток, X в.). Их присутствие в слое позволяет предположить вторичное залегание предметов (возможное перемещение в результате разрушения погребений) (Лабутина, Королёва, 2014. С. 176–177).

Итак, время освоения этого участка, после прекращения захоронений и разрушения некрополя, может быть обозначено как вторая половина XI – рубеж XI–XII вв.

Подвеска была найдена в нижней части культурного слоя, датируемого в широком диапазоне: вторая половина XI – рубеж XI–XII вв. – 40–60 гг. XIII в. Она залегала в начальных отложениях этого слоя, на пологом склоне ямы, вырытой с уровня слоя серой супеси над песком, в темно-коричневом слое, образовавшем основание последующего заполнения ямы (рис. 3). Очевидно, что яма нарушила слой кладбища X – начала XI в. Местонахождение подвески не позволяет связать ее с определенным комплексом, но она могла происходить как из погребения некрополя, так и из двора (жилища) лица, которому принадлежала, но была утрачена и оказалась в XI или XII в. в слое на окраине псковского посада (Лабутина, Королёва, 2014. С. 178).

Таким образом, стратиграфическая дата находки (соответственно, *дата ее попадания в слой*) определяется периодом от середины – конца XI в. до середины XII в. (Там же. С. 178).

Учитывая изложенные обстоятельства нахождения предмета, полагаю, что *время бытования* самой подвески определяется как период не позднее середины XI в., а точнее – конец X – первая половина XI в.³

Подробное описание морфологических и стилистических особенностей подвески и изображенных на ней княжеских знаках выполнено в упомянутой работе 2014 г. (Лабутина, Королёва, 2014. С. 178–180). Приведу здесь основные положения, которые необходимы для обоснования предлагаемой здесь версии интерпретации знаков.

Подвеска с княжескими знаками, найденная в Пскове в 1976 г., пятиугольная, трапециевидной формы, с ушком и отверстием в нем (рис. 4). Пластина имеет удлинённый и заостренный в центре нижней части абрис. Ее размеры: длина (с ушком) – 48 мм, длина (без ушка) – 38 мм; ширина – 27,5–29 мм (в центральной части пластина несколько уже – 27 мм), толщина – 2,3–3 мм. Высота ушка – 10 мм, ширина – 3–5 мм, внешний диаметр – 8 мм, диаметр отверстия – 3,5 мм. Псковская находка на сегодняшний день, возможно, самая миниатюрная по своим размерам среди известных древнерусских бронзовых подвесок такого рода (Лабутина, Королёва, 2014. С. 178–179).

Псковская подвеска двусторонняя и по гармоничным пропорциям своей формы относится к наиболее распространенному, если можно так выразиться,

³ Не совсем ясно, на каких положениях нашей статьи основан вывод С. В. Белецкого о том, что «... из публикации следует, что для уверенного отнесения подвески ко времени ранее рубежа XI–XII вв. никаких стратиграфических оснований нет» (см. в настоящем сборнике).

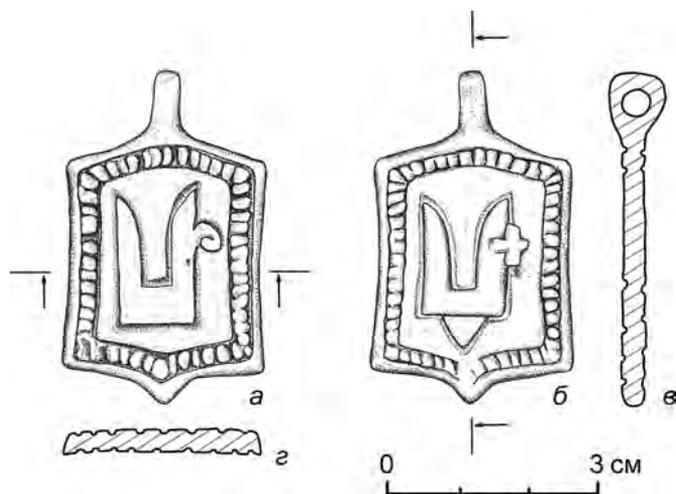


Рис. 4. Псковская подвеска с княжескими знаками (ПГОИАХМЗ, КП № 9644, ПЛ-76-III/522): а – сторона «А»; б – сторона «Б»; в – продольный разрез; г – поперечный разрез

«классическому варианту»: несколько вытянутая по высоте трапеция с удлиненным завершением нижнего контура пластины, сформировавшимся в результате «вписывания» треугольного нижнего выступа помещенного на ней знака. На обеих сторонах углубленными линиями изображены княжеские знаки в виде двузубцев в рубчатой орнаментальной рамке, повторяющей контуры подвески. Ширина полосы рамки – 2 мм, отступ от края подвески – 1 мм (Лабутина, Королёва, 2014. С. 179).

Изображения на обеих сторонах подвески лаконичны, без орнаментальных, «парадных» излишеств, что позволяет отнести их к линейной, упрощенной разновидности княжеских знаков (Лабутина, 1983. С. 17). Такая графическая схематизированная форма знаков позволяет четко обозначить индивидуальные изменения исходного двузубца. Отметим, что подобная строгость изображения княжеских знаков в целом не характерна для известных древнерусских подвесок из сплавов на основе меди. Сохранность подвески хорошая, на ушке практически не фиксируются следы потертости (Лабутина, Королёва, 2014. С. 179).

Оба знака на псковской подвеске изображены зубцами вверх. Отметим, что основание двузубца без т.н. «нижнего угла» на стороне «А» по высоте составляет 7 мм, что приближается к высоте основания двузубца вместе с нижним треугольным выступом на стороне «Б» – 9 мм. Таким образом, двузубец на стороне «А» своеобразно компенсирует отсутствие нижнего треугольного выступа более мощным основанием и, соответственно, оба знака занимают почти равное поле каждый на своей стороне подвески (с учетом отрога и усложняющей фигуры креста на правых зубцах): знак на стороне «А» – 14×20 мм, на стороне «Б» – 16×22 мм. Ширина боковых зубцов обоих знаков 3–4 мм. Уникальный пока для подвесок X–XI вв. элемент оформления псковской находки – одинаковая орнаментальная рубчатая рамка вокруг знаков на двух сторонах – также подчеркивает композиционное единство предмета с разными княжескими эмблемами (Лабутина, Королёва, 2014. С. 180).

Похожая контурная рубчатая рамка присутствует на одной из более поздних т. н. «геральдических» ливских подвесок, что свидетельствует о том, что псковская подвеска (или другие экземпляры из этой серии)⁴ была известна на довольно обширной территории и явно выступила прототипом для изготовления этих украшений (Белецкий, 2004. С. 246 № 26, Лаукскола, медь, погребение № 578, XII–XIII вв. (рис. 5, 1, 3); Zariņa, 1988, 60. Tab. 43). Кроме того, в статье С. В. Белецкого в настоящем сборнике сообщается о подвеске (№ 132 по сводному каталогу, составляемому автором), имеющей аналогичную контурную рубчатую рамку. По мнению исследователя, она также относится к разряду подвесок-реplik.

Визуально различимое на поверхности псковской подвески золотистое «покрытие»⁵ на самом деле является коррозионной поверхностью, которую составляют осажденные вторичные сульфиды железа и меди, образовавшиеся в результате длительного нахождения предмета во влажном культурном слое без доступа кислорода.⁶ Подчеркну, что коррозионное состояние предмета, соответствующее условиям, в которых он пролежал в почве, является важным свидетельством его подлинности (*Шемаханская, Равич, 2000. С. 63*).

Визуальный осмотр псковской подвески с княжескими знаками позволил уточнить технологию ее изготовления. Она цельнолитая, отлита вместе с ушком. Отверстие в нем получено в процессе литья путем использования вставного стержня.

Предмет изготовлен способом литья по восковой модели, о чем свидетельствует ряд визуальных признаков: отсутствие острых краев у заглубленных линий; плавность углов, которая невозможна при гравировке по металлу; местами плавное прерывание углубленных линий, которое образуется при недолIVE металла; мелкие литейные раковины, перекрывающие углубленные ли-

⁴ Несомненно, что подвески с княжескими знаками изготавливались серийно, чтобы выполнить свою функцию верительного знака в различных сферах – дипломатии, управлении, торговле. Сегодня известны предметы, происходящие из двух серий X–XI вв. – из Новгорода и с Белгородка близ Киева, изготовленные, как считают авторы публикаций, в одной литейной форме (Рыбаков, 1940. С. 238–239. Рис. 33, 34, 35, 36; Молчанов, 1976. С. 73–74. Рис. 3А, 3Б – подвески №№ 3 и 4; Белецкий, 2004. С. 268–271. Рис. 10, 1, 2, подвески №№ 28 и 38), а также из Кельгининского могильника на территории Мордовии, которые отличаются мельчайшими деталями декора (Белецкий, 2004. С. 259–261. Рис. 18, 1, 2, подвески №№ 51 и 52).

Однако большинство подвесок дошло до нас в единичных экземплярах, т. к., по всей видимости, из-за дефицита цветного металла попадали в переплавку, как и остальные предметы, утратившие свой функциональный смысл.

⁵ Изначально был отмечен золотистый цвет предмета, что побудило провести экспертизу на наличие позолоты. Такая экспертиза (с подтверждающим наличие позолоты заключением) была проведена представителями Северо-Западной госинспекции пробирного надзора. Однако исследование состава металла методом РФА не подтвердило наличие позолоты, несмотря на 16 проб в различных точках поверхности подвески.

⁶ Автор выражает искреннюю признательность за консультацию к. и. н., сотруднику кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова Н. В. Ениосовой, которая выполнила методом РФА анализ состава металла нескольких предметов с аналогичной золотистой поверхностью из культурного слоя Новгорода. Результаты проб так же, как и в случае с псковской подвеской, не подтвердили наличие позолоты.

нии; на стороне «А» видны следы заглаживания по воску. Оба изображения и орнаментальная рамка с двух сторон подвески были вырезаны на восковой модели, а затем отлиты (Лабутина, Королёва, 2014. С. 180).

На стороне «А»⁷ (рис. 4, а) изображен двузубец прямолинейных очертаний, без треугольного выступа в основании двузубца, с отрогом наружу на правом зубце.

На стороне «Б» (рис. 4, б) – двузубец прямолинейных очертаний с треугольным выступом внизу и осложненный крестообразной, если так можно выразиться, «накладной» фигурой с правой стороны в верхней части правого зубца⁸. Крест имеет свой замкнутый контур и частично перекрывает правый зубец, при этом внешняя линия зубца и левая линия вертикальной мачты креста совпадают (Лабутина, Королёва, 2014. С. 179).

Некоторое зеркальное сходство схемы знака, изображенного на стороне «Б» псковской подвески (рис. 4, б), и знака на монетах Святополка Ярополчича было отмечено И. К. Лабутиной уже в публикации 1983 г. (Лабутина, 1983. С. 17–18).

Здесь важно отметить, что на сребрениках Святополка всех трех типов крест также всегда имеет свой замкнутый контур и в схеме знака присутствует как отдельная фигура на левом зубце (рис. 5).

Кроме того, правый зубец с крестообразной фигурой на псковской подвеске обнаруживает сходство с крестообразной формой правого зубца у знака на т. н. таманском «брактеате» (рис. 6, А)⁹.

Представляется, что крест на княжеском знаке псковской подвески можно не считать отрогом наружу, принципиально изменяющим исходный двузубец, т. к. он частично «вписан» в контур правого зубца. Данное обстоятельство, на наш взгляд, сближает эмблему на псковской находке с изображением на т. н. таманском «брактеате» по принципам своего построения¹⁰. На «брактеате» двузубец изображен также графически и линейно, а правый зубец

⁷ Стороны «А» и «Б» определены в соответствии с предшествующими публикациями находки (Лабутина, 1983. С. 21. Рис. 10; Белецкий, 1996. С. 85. Рис. 58).

⁸ Идея о возможном «накладном» характере фигуры креста принадлежит Е. А. Яковлевой (Председателю Государственного комитета Псковской области по охране объектов культурного наследия), проявившей большой интерес к этой работе, за что автор выражает ей искреннюю признательность.

⁹ Таманский «брактеат» (условное название) представляет собой круглую тонкую бронзовую пластинку с оттиснутым штампом изображением лично-родового знака и круговой надписью, найденную на Тамани. Впервые этот предмет был издан А. В. Орешниковым и хранится в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея, инв. № 71775) (Молчанов, 1982. С. 223).

¹⁰ Отмечу, что суждение о схожести изображения на псковской находке с лично-родовым знаком на таманском «брактеате» высказано «с известной степенью гипотетичности» ранее С. В. Белецким (Белецкий, 1996. С. 85, прим. 23). Кроме гипотетичности сходства этих знаков, исследователь также указывает на то, что знак на таманском «брактеате» «находит себе аналогии среди лично-родовых знаков русских князей XII–XIII вв.» (Белецкий, 2004. С. 276–277).



Рис. 5. Изображение княжеского знака на монетах Святополка Ярополчича:
 А – о. с. сребреников Святополка с его именем; Б – о. с. сребреников Святополка с именем «Петрос»; В – о. с. сребреников Святополка с именем «Петор» (без масштаба по: Гайдуков, Калинин, 2012. Рис. 16, 1–2 на с. 423; рис. 17 на с. 424; рис. 18 на с. 426)

завершается крестообразной фигурой¹¹. Предположу, что некоторое смещение креста по вертикали (и немного по горизонтали) на псковской подвеске не является принципиальным отличием от таманской находки, т. к. лично-родовые знаки не имеют абсолютного единообразия в деталях своего начертания¹².

А. А. Молчанов отмечал в своей статье, что знак «брактеата» отличается от всех позднейших лично-родовых тамг князей Рюриковичей, начиная со второй половины XI в., одной существенной особенностью своей графики (Молчанов, 1982. С. 224). Исследователь имел в виду, что важнейшей характерной чертой знаков X – первой половины XI в. являлось присутствие «нижнего угла» – треугольного или закругленного выступа, который отмечается и у знака «брактеата»¹³. По мнению А. А. Молчанова, в этом отношении знак «брактеата» ближе всего стоит к знаку на монетах Святополка Окаянного, являясь в схематическом виде его точным зеркальным отражением (Молчанов, 1982. С. 224). Данное обстоятельство позволило А. А. Молчанову

¹¹ Крест образован путем наложения горизонтальной перекладки на верхнюю часть правого зубца.

¹² Как отмечал А. А. Молчанов, «все зависит от размеров предметов, на которых они изображались, материала, из которого они изготовлялись, технологии изготовления последних и степени декоративно-орнаментальной разработки графической композиции тамги» (Молчанов, 1982. С. 225).

¹³ Есть этот «нижний угол» и у знака на стороне «Б» псковской подвески.

предположить, что знак принадлежал одному из братьев Святополка, а именно, принимая во внимание место находки «брактеата», Мстиславу Тмутараканскому. Кроме того, исследователь отмечал, что сходство начертания букв в легендах древнейших русских монет конца X – начала XI в. и в надписи на «брактеате», подмеченное Н. В. Энговатовым, вынудило датировать данный памятник первой половиной XI в., что также свидетельствовало в пользу такого предположения (Молчанов, 1982. С. 224).

А. А. Молчанов подчеркнул также, что «Мстислав Тмутараканский (умер в 1036 г.) остается в первой половине XI в. единственным удельным князем, кто мог бы официально иметь свой знак на равных правах с киевским князем, располагая для этого всеми законными основаниями после раздела с братом Ярославом русских земель в 1026 г. Начать же пользоваться своим собственным знаком Мстислав мог уже на самом первом этапе борьбы с ним – в 1023 или 1024 г.» (Молчанов, 1982. С. 226) (рис. 6, Б)¹⁴.

Таким образом, «время действия» этого знака на политической арене Руси – 1023/24–1036 гг. Знаки на обеих сторонах псковской подвески задуманы и исполнены одновременно, что подтверждается технологией ее изготовления. Принимая во внимание место находки подвески и опуская дискуссию о том, занимал ли Судислав псковский княжеский стол с 1015¹⁵ по 1036 г. или только просидел в заточении в псковском порубе с 1036 по 1059 г., можно предположить принадлежность уникального знака в виде двузубца без треугольного выступа в основании и отрогом на правом зубце именно этому человеку¹⁶.

Нет никаких сведений о роли Судислава в княжеской междоусобице, но именно в год смерти Мстислава он, как сообщают источники, был оклеветан и посажен своим братом Ярославом в «поруб»¹⁷, где просидел почти четверть века¹⁸.

¹⁴ В своих работах последних лет исследователь не изменил своего мнения по атрибуции этого символа (Молчанов, 2008. С. 254. Табл. 2; 2012. С. 446–447. Рис. 10).

¹⁵ Утверждение на псковском княжеском столе малолетнего (?) Судислава Владимировича сопровождалось, по мнению С. В. Белецкого, основанием Спасо-Мирожского монастыря (после 1010 г.), что являлось актом общегосударственного значения. Устройство обители в качестве поддержки христианину Судиславу в окружении языческого мира Псковщины произошло в пределах хронологически узкого интервала (между 1010 и 1015 гг.) и было осуществлено совместно его старшими братьями, занимавшими все основные столы на Руси. Анализ ктиторской части Стефановского синодика, как считает исследователь, позволяет утверждать, что первыми среди вкладчиков в Мирожский монастырь названы Ярослав Владимирович (Мудрый), его братья Святослав, Мстислав, Борис и Глеб Владимировичи, а также кузен Святополк Ярополчич (Окаянный). Таким образом, основание монастыря и утверждение Судислава на псковском столе – не позднее 24 июля 1015 г. (убийство Бориса Владимировича) (Белецкий, 1996. С. 83–84).

¹⁶ Некоторую возможную связь этой подвески с княжением в Пскове Судислава Владимировича отмечал ранее С. В. Белецкий (Белецкий, 1996. С. 84–85, прим. 23). Однако недоверие исследователя к подлинности артефакта, а также невозможность «вписать» особенности изображений в предлагаемую им схему наследования лично-родовых княжеских знаков так и оставили эту находку за пределами генеалогической таблицы.

¹⁷ ПВЛ, под 6544.

¹⁸ ПВЛ, под 6567.



Рис. 6. Изображение княжеского знака на таманском «брактеате»:

А – таманский «брактеат», прорись (по: Молчанов, 1982. С. 224. Рис. 1 – без масштаба);
 Б – фрагмент сводной генеалогической таблицы получивших атрибуцию лично-родовых знаков князей Рюриковичей X – первой половины XIII в. (по: Молчанов, 2012. Рис. 10)

Если подобная атрибуция княжеских знаков верна, то их присутствие на одном «верительном знаке» может говорить о том, что Судислав в период дуумвирата, несмотря на условия соглашения 1026 г., выбрал своим сюзереном именно Мстислава. Учитывая постигшее его потом наказание, эта версия не кажется такой уж невероятной...

Композиционно-семантические особенности расположения изображений на сторонах подвески, отмеченные в ее описании (уравновешенная соразмерность знаков и заключение в одинаковую орнаментальную рамку), также свидетельствуют в пользу символики некоего политического союза (договоренности) владельцев двух знаков.

В связи с предложенной версией атрибуции знаков интересно отметить, что изучение элементного состава металла подвески позволило выдвинуть предположение о том, что она, по всей видимости, изготовлена не в псковских мастерских¹⁹ (Лабутина, Королёва, 2014. С. 181–183).

Таким образом, основанием для предложенной версии персонификации княжеского знака на стороне «Б» псковской подвески Мстиславу Владимировичу послужило, прежде всего, сходство с изображением на таманском «брактеате». Принадлежность знака на стороне «А» Судиславу Владимировичу основывается на гипотетических построениях, исходящих из датировки этих предметов и ограниченного круга возможных участников политических событий 20–30-х гг. XI в.

¹⁹ Металл подвески представляет собой многокомпонентный сплав Cu + Zn + Pb + Sn, который по сравнению со всей псковской выборкой предметов этого типа сплава имеет своеобразный набор по содержанию и легирующих компонентов, и элементов–примесей.

Новые находки, возможно, дополняют новыми аргументами предложенную гипотезу или, наоборот, полностью ее опровергнут²⁰. Однако существование изображенных на псковской подвеске лично-родовых знаков в первой половине XI в. следует признать несомненным фактом.

Литература

- Белецкий С. В.*, 1996. Начало Пскова. СПб.
- Белецкий С. В.*, 2000. Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Выпуск 2. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X–XI вв. СПб.
- Белецкий С. В.*, 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2003 г. Сборник статей. СПб.
- Гайдуков П. Г., Калинин В. А.*, 2012. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера.
- Лабутина И. К.*, 1983. Культурный слой Пскова // АИП. М.
- Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л.*, 1977. Раскопки в Пскове на ул. Ленина // АО 1976 г. М.
- Лабутина И. К., Королёва Э. В.*, 2014. К изучению подвески с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове // Славяне и иные языцы... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной // Труды ГИМ. Вып. 198. М. С. 171–195.
- Молчанов А. А.*, 1976. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогательные исторические дисциплины. VII. Л.
- Молчанов А. А.*, 1982. Еще раз о Таманском бронзовом «брактеате» // СА. № 3.
- Молчанов А. А.*, 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.
- Молчанов А. А.*, 2008. Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. Рюриковичи и российская государственность. М.
- Молчанов А. А.*, 2012. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера.
- ПВЛ – Повесть Временных лет. М.; Л., 1950.
- Рыбаков Б. А.*, 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Руси X–XII вв. // СА. Т. VI. М.–Л.
- Шемаханская М. С., Равич И. Г.*, 2000. К проблеме археологической идентификации древнерусской подвески // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. СПб.
- Щапова Ю. Л.*, 1989. Отчет о раскопках в г. Пскове в 1976 г. (раскоп III на ул. Ленина) // Архив ГБУК АЦПО. Д. 2. 59 л.
- Zariņa A.*, 1988. Lībiešu apgērbs 10.–13.gs. Rīga: Zinatne.

²⁰ Возможно, именно о такой находке и упомянуто в статье С. В. Белецкого в настоящем сборнике – о серебряной с золочением подвеске с изображением трезубца, поступившей в коллекцию Алексея Шереметьева. На правом зубце знака есть крестовидный отрог, на другой стороне подвески было размечено, но так и не выполнено изображение двузубца без ножи.